

Содержание

Х. Текеева. Моя свобода: жизнь и судьба Осипа Манделъштама	19
Сердцевина бытия: детство и семья.	19
«Нрава он был не лилейного»: Осип Манделъштам и современники.	22
«Десяти небес нам стоила земля»: две революции	23
«Мы как слепые щенята»: Надежда и Осип Манделъштам	23
«Легенда об Уленшпигеле»	26
«Мелкая хвойная дрожь»: Армения и возвращение	26
«А стены проклятые тонки»: арест.	27
«Губ шевелящихся отнять вы не могли»: Воронеж	30
«Сохрани мою речь навсегда»	31

СТИХОТВОРЕНИЯ

КАМЕНЬ (1908–1915)

«Звук осторожный и глухой...»	35
«Сусальным золотом горят...»	35
«Только детские книги читать...»	35
«Нежнее нежного...»	36
«На бледно-голубой эмали...»	36
«Есть целомудренные чары...»	37
«Дано мне тело – что мне делать с ним...»	37
«Невыразимая печаль...»	37
«Ни о чем не нужно говорить...»	38
«Когда удар с ударами встречается...»	38
«Медлительнее снежный улей...»	39
Silentium	39
«Слух чуткий парус напрягает...»	40
«Как тень внезапных облаков...»	40

«Из омота злого и вязкого...»	40
«В огромном омуте прозрачно и темно...»	41
«Как кони медленно ступают...»	41
«Скудный луч, холодной мерою...»	42
«Воздух пасмурный влажен и гулок...»	42
«Сегодня дурной день...»	43
«Смутно-дышащими листьями...»	43
«Отчего душа так певуча...»	43
Раковина	44
«На перламутровый челнок...»	44
«О небо, небо, ты мне будешь сниться!...»	45
«Я вздрагиваю от холода...»	45
«Я ненавижу свет...»	46
«Образ твой, мучительный и зыбкий...»	46
«Нет, не луна, а светлый циферблат...»	46
Пешеход	47
Казино	47
Царское Село	48
Золотой	48
Лютеранин	49
Айя-София	50
Notre Dame	50
Старик	51
Петербургские строфы	52
«Дев полуночных отвага...»	52
Бах	53
«В спокойных пригородах снег...»	54
«Мы напряженного молчанья не выносим...»	54
Адмиралтейство	54
«Заснула чернь! Зияет площадь аркой...»	55
«В таверне воровская шайка...»	55
Кинематограф	56
Теннис	57
Американка	57
Домби и сын	58
«Отравлен хлеб и воздух выпит...»	59
«Летают валькирии, поют смычки...»	59
«На луне не растет...»	59
Ахматова	60
Перед войной («Ни триумфа, ни войны!..»)	60
«О временах простых и грубых...»	60
«На площадь выбежав, свободен...»	61

«Есть иволги в лесах, и гласных долгота...»	61
«“Морожено!” Солнце. Воздушный бисквит...»	62
«Есть ценностей незыблемая скала...»	62
«Природа — тот же Рим и отразилась в нем...»	62
«Пусть имена цветущих городов...»	63
«Я не слышал рассказов Оссиана...»	63
Европа	63
Епископа	64
Посох	64
Ода Бетховену	65
«Уничтожает пламень...»	66
«Здесь я стою — я не могу иначе...»	67
Аббат	67
«От вторника и до субботы...»	68
«И поныне на Афоне...»	68
«О свободе небывалой...»	68
Дворцовая площадь («Императорский виссон...»)	69
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»	69
«С веселым ржанием пасутся табуны...»	70
«Я не увижу знаменитой “Федры”...»	70
TRISTIA (1916–1920)	
«— Как этих покрывал и этого убора...»	72
Зверинец	73
«В разноголосице девического хора...»	74
«На розвальнях, уложенных соломой...»	75
«О, этот воздух, смутой пьяный»	75
<Петрополь>	
«Мне холодно. Прозрачная весна...»	76
«В Петрополе прозрачном мы умрем...»	76
«Не веря воскресенья чуду...»	76
«Эта ночь непоправима...»	77
«Собирались элины войною...»	78
Соломинка	
I. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...»	78
II. «Я научился вам, блаженные слова...»	79
Декабрист	79
«Золотистого меда струя из бутылки текла...»	80
«Еще далёко асфоделей...»	81
«Среди священников левитом молодым...»	82
«Твое чудесное произношенье...»	82
«Что поют часы-кузнечик...»	83

«Когда на площадях и в тишине келейной...»	83
Кассандре	84
«В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»	84
«На страшной высоте блуждающий огонь...»	85
«Когда в теплой ночи замирает...»	85
«Прославим, братья, сумерки свободы...»	86
Tristia	86
«На каменных отрогах Пиэрии...»	87
«В хрустальном омуте какая крутизна!...»	88
«Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»	89
«Вернись в смесительное лоно...»	89
«Венецкой жизни, мрачной и бесплодной...»	90
Феодосия	91
«Когда Психея-жизнь спускается к теням...»	92
Ласточка (<i>«Я слово позабыл, что я хотел сказать...»</i>)	92
«В Петербурге мы сойдемся снова...»	93
«Чуть мерцает призрачная сцена...»	94
«Мне жалко, что теперь зима...»	95
«Мне Тифлис горбатый снится...»	96
«Возьми на радость из моих ладоней...»	97
«За то, что я руки твои не сумел удержать...»	97
«Когда городская выходит на стогны луна...»	98
«Я наравне с другими...»	98
«Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»	99
«Люблю под сводами седья тишины...»	100

1921—1925

Концерт на вокзале	101
«Умывался ночью на дворе...»	102
«Кому зима — арак и пунш голубоглазый...»	102
«С розовой пеной усталости у мягких губ...»	103
«Холодок щечок темя...»	103
«Как растет хлеб опара...»	104
«Я не знаю, с каких пор...»	104
«Я по лесенке приставной...»	105
«Ветер нам утешенье принес...»	105
Московский дождик	106
Век	106
Нашедший подкову	108
Грифельная ода	111
Париж (<i>«Язык булыжника мне голубя понятней...»</i>)	113
«Как тельце маленькое крылышком...»	113

1 января 1924	114
«Нет, никогда, ничей я не был современник...»	116
«Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...»	116
«Сегодня ночью, не солгу...»	117
«Я буду метаться по табору улицы темной...»	118
Новые стихи 1930–1934 годов	
«Куда как страшно нам с тобой...»	119
«Как бык шестикрылый и грозный...»	119
Армения	
1. «Ты розу Гафиза колышешь...»	119
2. «Ты красок себе пожелала...»	120
3. «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»	120
4. «Закутав рот, как влажную розу...»	121
5. «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»	121
6. «Орущих камней государство...»	121
7. «Не развалины – нет! – но порубка могучего циркульного леса...»	122
8. «Холодно розе в снегу...»	122
9. «О порфирные цокая граниты...»	122
10. «Какая роскошь в нищенском селеньи...»	123
11. «Я тебя никогда не увижу...»	123
12. «Лазурь да глина, глина да лазурь...»	123
«На полицейской бумаге верже...»	123
«Не говори никому...»	124
«Колючая речь Араратской долины...»	124
«Как люб мне натугой живущий...»	124
«Дикая кошка – армянская речь...»	125
«И по-звериному воет людье...»	126
Ленинград (<i>«Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»</i>)	126
«Мы с тобой на кухне посидим...»	126
«Помоги, Господь, эту ночь прожить...»	127
«С миром державным я был лишь ребячески связан...»	127
«После полуночи сердце ворует...»	127
«Я скажу тебе с последней...»	128
«Колют ресницы. В груди прикипела слеза...»	128
«За гремучую доблесть грядущих веков...»	129
«Жил Александр Герцович...»	129
«Ночь на дворе. Барская лжа...»	130
«Нет, не спрятаться мне от великой муры...»	130
Неправда (<i>«Я с дымящей лучиной вхожу...»</i>)	131
«Я пью за военные астры...»	131

Рояль	131
«— Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...»	132
«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»	133
Канцона	133
Отрывки уничтоженных стихов	
1. «В год тридцать первый от рожденья века...»	134
2. «Уж я люблю московские законы...»	134
3. «Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой...»	134
4. «Я больше не ребенок! Ты, могла...»	135
«Довольно кукусься! Бумаги в стол засунем!..»	135
Фазтонщик	136
«Как народная громада...»	137
«Сегодня можно снять декалькомани...»	137
«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»	138
«Еще далёко мне до патриарха...»	140
Ламарк	142
«Когда в далекую Корею...»	143
«О, как мы любим лицемерить...»	144
«Вы помните, как бегуны...»	144
«Увы, растаяла свеча...»	144
Импрессионизм	145
«Там, где купальни-бумагопрядильни...»	145
Батюшков	146
Стихи о русской поэзии	
I. «Сядь, Державин, развалился...»	147
II. «Зашумела, задрожала...»	147
III. «Полюбил я лес прекрасный...»	148
«Дайте Тютчеву стрекóзу...»	149
К немецкой речи	149
Ариост	151
«Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...»	152
«Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...»	152
«Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...»	152
«Квартира тиха, как бумага...»	153
«У нашей святой молодежи...»	154
«Татары, узбеки, и ненцы...»	154
«Мы живем, под собою не чуя страны...»	155
Восьмистишия	
1. «Люблю появление ткани...»	155

2. «Люблю появление ткани...»	155
3. «О, бабочка, о, мусульманка...»	156
4. «Шестого чувства крошечный придаток...»	156
5. «Преодолев затверженность природы...»	156
6. «Когда, уничтожив набросок...»	157
7. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...»	157
8. «И клена зубчатая лапа...»	157
9. «Скажи мне, чертежник пустыни...»	158
10. «В игольчатых чумных бокалах...»	158
11. «И я выхожу из пространства...»	158
Из Петрарки	
I. «Речка, распухая от слез соленых...»	159
II. «Как соловей, сиротствующий, славит...»	159
III. «Когда уснет земля и жар отпышет...»	160
IV. «Промчались дни мои — как бы оленей...»	160
«Как из одной высокогорной щели...»	161
«Голубые глаза и горячая лобная кость...»	161
10 января 1934	
1. «Меня преследуют две-три случайных фразы...»	162
2. «Когда душе и тóропкой и робкой...»	163
«Он дирижировал кавказскими горами...»	164
«А посреди толпы, задумчивый, брадатый...»	164
«Откуда привезли? Кого? Который умер?..»	164
«Мастерица виноватых взоров...»	165
«Твоим узким плечам под бичами краснеть...»	165
Воронежские тетради (1935—1937)	
<i>Первая тетрадь</i>	
«Я живу на важных огородах...»	166
«Наушнички, наушники мои...»	166
«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»	167
«Я должен жить, хотя я дважды умер...»	167
«Это какая улица?..»	167
Чернозем	167
«Лишив меня морей, разбега и разлета...»	168
«Да, я лежу в земле, губами шевеля...»	168
I. «Как на Каме-реке глазу темно, когда...»	168
II. «Как на Каме-реке глазу темно, когда...»	169
III. «Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...»	169
Стансы	170
1. «Я не хочу средь юношей тепличных...»	170
2. «Проклятый шов, нелепая затея...»	170
3. «Подумаешь, как в Чердыни-голубе...»	170

4. «И ты, Москва, сестра моя, легка...»	170
5. «Моя страна со мною говорила...»	171
6. «Я должен жить, дыша и большевея...»	171
7. «И не ограблен я, и не надломлен...»	171
«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»	171
«От сырой простыни говорящая...»	172
«Еще мы жизнью полны в высшей мере...»	173
«Римских ночей полновесные слитки...»	173
«Возможна ли женщине мертвой хвала?...»	173
«На мертвых ресницах Исаакий замерз...»	174
«За Паганини длиннопалым...»	174
«Бежит волна — волной волне хребет ломая...»	175
«Исполню дымчатый обряд...»	175
«Не мучнистой бабочкою белой...»	175

Вторая тетрадь

«Из-за домов, из-за лесов...»	176
Рождение улыбки («Когда заулыбается дитя...»)	176
«Подивлюсь на свет еще немного...»	177
«Мой щегол, я голову закину...»	177
«Нынче день какой-то желторотый...»	177
«Не у меня, не у тебя — у них...»	178
«Внутри горы бездействует кумир...»	178
«Я в сердце века. Путь неясен...»	178
«А мастер пушечного цеха...»	179
«Сосновой рощицы закон...»	179
«Пластинкой тоненькой жиллета...»	179
«Ночь. Дорога. Сон первичный...»	180
«Вехи дальние обоза...»	181
«Где я? Что со мной дурного?...»	181
«Шло цепочкой в темноводье...»	181
«Когда щегол в воздушной сдобе...»	182
«Как подарок запоздалый...»	182
«Оттого все неудачи...»	182
«Твой зрачок в небесной корке...»	183
«Улыбнись, ягненок гневный — с Рафаэлева холста...»	183
«Когда в ветвях понурых...»	184
«Я около Кольцова...»	184
«Дрожжи мира дорогие...»	184
«Влез бесенок в мокрой шерстке...»	185
«Еще не умер ты. Еще ты не один...»	185
«О, этот медленный, одышливый простор!...»	186

«Что делать нам с убитостью равнин...»	186
«В лицо морозу я гляжу один...»	186
«Я нынче в паутине световой...»	187
«Как землю где-нибудь небесный камень будит...»	187
«Слышу, слышу ранний лед...»	187
«Люблю морозное дыханье...»	188
«Как женственное серебро горит...»	188
«Средь народного шума и спеха...»	188
«Куда мне деться в этом январе?...»	189
«Как светотени мученик Рембрандт...»	190
«Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...»	190
«Где связанный и пригвожденный стон?...»	191
«Как дерево и медь Фаворского полет...»	191
«Обороняет сон мою донскую сонь...»	191
«Вооруженный зреньем узких ос...»	192
«Еще он помнит башмаков износ...»	192
«Пою, когда гортань сыра, душа — суха...»	193
«Были очи острее точимой косы...»	193
«Я в львиный ров и крепость погружен...»	193
«Если б меня наши враги взяли...»	194

Третья тетрадь

«На доске малиновой, червонной...»	195
«Я молю, как жалости и милости...»	195
«Я видел озеро, стоявшее отвесно...»	196
Стихи о неизвестном солдате	196
1. «Этот воздух пусть будет свидетелем...»	196
2. «Шевелящимися виноградинами...»	197
3. «Сквозь эфир десятично-означенный...»	197
4. «Аравийское месиво, крошево...»	198
5. «Хорошо умирает пехота...»	198
6. «Для того ль должен череп развиться...»	199
7. «Ясность ясеневая, зоркость яворовая...»	199
8. «Напрягаются кровью аорты...»	199
«Я скажу это начерно, шепотом...»	200
Тайная вечеря («Небо вечера в стену влюбилось...»)	200
«Заблудился я в небе — что делать?...»	201
«Заблудился я в небе — что делать?...»	201
«Может быть, это точка безумия...»	202
«Не сравнивай: живущий несравним...»	202
Рим	203
«Чтоб, приятель и ветра и капель...»	204

«Гончарами велик остров синий...»	204
«Длинной жажды должник виноватый...»	205
«О, как же я хочу...»	205
«Нереиды мои, нереиды!..»	206
«Флейты греческой тэта и йота...»	206
«Как по улицам Киева-Вия...»	207
«Я к губам подношу эту зелень...»	207
«Клейкой клятвой липнут почки...»	207
«На меня нацелилась груша да черемуха...»	209
I. «К пустой земле невольно припадая...»	209
II. «Есть женщины, сырой земле родные...»	209

П О С Л Е Д Н И Е   С Т И Х И

Чарли Чаплин	210
«С примесью ворона голуби...»	211
«Пароходик с петухами...»	212
«На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...»	213
Стансы	214

С Т И Х И ,   Н Е   В О Ш Е Д Ш И Е   В   О С Н О В Н О Е   С О Б Р А Н И Е

Р А Н Н И Е   С Т И Х И (1906)

«Среди лесов, унылых и заброшенных...»	216
«Тянется лесом дороженька пыльная...»	216

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я 1908–1937 ГОДОВ

«О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...»	218
«Из полутемной залы, вдруг...»	218
«Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...»	219
«В морозном воздухе растаял легкий дым...»	219
«Истончается тонкий глен...»	219
«Ты улыбаешься кому...»	220
«В просторах сумеречной залы...»	220
«В холодных переливах лир...»	221
«Озарены луной ночевья...»	221
«Твоя веселая нежность...»	221
«Не говорите мне о вечности...»	222
«На влажный камень возведенный...»	222
«В безветрии моих садов...»	223
«Бесшумное веретено...»	223
«Если утро зимнее темно...»	223
«Пустует место. Вечер длится...»	224
«В смиренномудрых высотах...»	224

«Дыханье веще в стихах моих...»	225
«Нету иного пути...»	225
«Что музыка нежных...»	225
«На темном небе, как узор...»	226
«Сквозь восковую занавесь...»	226
«Здесь отвратительные жабы...»	227
«Слишком легким плащом одетый...»	227
«Музыка твоих шагов...»	227
«В непринужденности творящего обмена...»	228
«Листьев сочувственный шорох...»	228
«Когда мозаик никнут травы...»	228
«Под грозowymi облаками...»	229
«Единственной отрадой...»	229
«Над алтарем дымящихся зыбей...»	230
«Необходимость или разум...»	230
«Когда укор колоколов...»	231
«Мне стало страшно жизнь отжить...»	231
«Я вижу каменное небо...»	231
«Вечер нежный. Сумрак важный...»	232
«Убиты медью вечерней...»	232
«Как облаком сердце одето...»	233
Змей	233
«В самом себе, как змей, таясь...»	234
«Неумолимые слова...»	234
«Я помню берег вековой...»	235
«В изголовьи черное распятые...»	235
«Душный сумрак кроет ложе...»	236
«Темных уз земного заточенья...»	236
«Где вырывается из плена...»	236
«Медленно урна пустая...»	237
«Когда подымаю...»	237
«Душу от внешних условий...»	238
«Я знаю, что обман в видении немислим...»	238
«Стрекозы быстрыми кругами...»	239
«Ты прошла сквозь облако тумана...»	239
«Не спрашивай: ты знаешь...»	240
«Дождик ласковый, мелкий и тонкий...»	240
«В лазури месяц новый...»	241
«< . . . . . > коробки...»	241
«Довольно лукавить: я знаю...»	242
«Как черный ангел на снегу...»	242
«Паденье — неизменный спутник страха...»	242

«Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...»	243
Шарманка	243
«Когда показывают восемь...»	244
«Тысячеструйный поток...»	244
«Развеселился наконец...»	245
Египтянин («Я избежал суровой пени...»)	245
Египтянин («Я выстроил себе благополучья дом...»)	246
«Веселая скороговорка...»	247
Песенка	247
Летние стансы	248
Американский бар	248
«От легкой жизни мы сошли с ума...»	249
Футбол («Телохранитель был отравлен...»)	249
Футбол («Рассян утренник тяжелей...»)	250
Мадригал («Нет, не поднять волшебного фрегата...»)	251
«Черты лица искажены...»	251
Автопортрет	251
Спорт	251
«Как овцы, жалкою толпой...»	252
«Поговорим о Риме — дивный град!»	252
Реймс и Кельн	253
Немецкая каска	253
Polacy!	253
«В белом раю лежит богатырь...»	254
«Вот дароносица, как солнце золотое...»	254
«Обиженно уходят на холмы...»	255
«Негодование старческой кифары...»	255
«Какая вещая Кассандра...»	255
«Не фонари сияли нам, а свечи...»	256
«— Я потеряла нежную камею...»	256
Мадригал («Дочь Андроника Комнена...»)	256
«Когда октябрьский нам готовил временщик...»	257
«Кто знает? Может быть, не хватит мне свечи...»	257
Телефон	258
«Всё чуждо нам в столице непотребной...»	258
«Где ночь бросает якоря...»	259
Дом актера	259
Сыновья Аймона	260
Начало «Федры»	263
«Опять войны разноголосица...»	263
«Жизнь упала, как зарница...»	265
«Мне кажется, мы говорить должны...»	266

«Мир начинался страшен и велик...»	266
«Ты должен мной повелевать...»	267
Железо (<i>«Идут года железными полками...»</i>)	267
«Мир должно в черном теле брать...»	267
«Тянули жилы, жили-были...»	267
«Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»	268

ПРОЗА

ШУМ ВРЕМЕНИ

Музыка в Павловске	273
Ребяческий империализм	275
Бунты и французенки	278
Книжный шкаф	281
Финляндия	285
Хаос иудейский	287
Концерты Гофмана и Кубелика	291
Тенишевское училище	293
Сергей Иванович	297
Юлий Матвевич	300
Эрфуртская программа	302
Семья Синани	304
Комиссаржевская	312
«В не по чину барственной шубе»	314

ФЕОДОСИЯ

Начальник порта	320
Старухина птица	323
Бармы закона	325
Мазеса да Винчи	327

ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА	330
------------------------	-----

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОЗА	360
-----------------------	-----

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ

Севан	373
Ашот Ованесьян	378
Москва	380
Сухум	389
Французы	391
Вокруг натуралистов	394
Аштарак	399
Алагез	402

С Л О В О И К У Л Ь Т У Р А

Франсуа Виллон	407
Утро акмеизма	415
О собеседнике	419
Петр Чаадаев	425
<Скрябин и христианство>	431
Заметки о Шенье	437
Слово и культура	443
О природе слова	449
А. Блок	464
Пшеница человеческая	468
Девятнадцатый век	472
Конец романа	479
Гуманизм и современность	483
Заметки о поэзии	486
Выпад	490
Разговор о Данте	493
И. Эренбург. Одуванчики	538
Игорь Северянин. Громокипящий кубок	539
Инокентий Анненский. Фамира-Кифаред	539
О современной поэзии	540
Кое-что о грузинском искусстве	543
Письмо о русской поэзии	546
Кровавая мистерия 9-го января	550
«Гротеск»	553
Шуба	555
Литературная Москва	558

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я М О С К В А

Рождение фавулы	563
Буря и натиск	568
<i>М. Гаспаров. Примечания</i>	579
Стихотворения	580
Проза	642
Статьи	659

МОЯ СВОБОДА: ЖИЗНЬ И СУДЬБА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

От молнии, ударившей в висок,
на небесах не остается шрама.
Страну изъездив вдоль и поперек,
я не нашел могилы Мандельштама.

Геннадий Григорьев.
«Могила Мандельштама»

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Осип Мандельштам.
«Дано мне тело»

Эти строки Осип Мандельштам написал в 1909 году, когда ему было 16 лет. Лирический герой – сам поэт – еще во многом сомневался и задавал вопросы к себе и миру («кого, скажите мне, благодарить?»). Но уже ясно чувствовал, что речь его сохранится навсегда. А ведь такой уверенности у современников Осипа Эмильевича Мандельштама не было. Сначала его считали ярким и одаренным, потом – кто-то сочувствовал ему, кто-то – высмеивал и травил, кто-то по привычке назвал бы «эксцентричным»: надо же как-то назвать поэта, даже если не удастся подобрать точных слов, правда? «Скоро ль истиной народа станет истина моя?» – писал Осип Мандельштам в «Посохе» (правда, есть теория, что лирический герой этого стихотворения – Петр Чаадаев, а не автор, ну да оставим для красного словца). Только во второй половине века. Уже после того, как сам поэт стал «кровавыми костями в колесе», которых так не хотел и боялся увидеть.

Проследим же, из чего складывалась лирика и судьба Осипа Мандельштама. Подробнее о стихах можно будет прочитать в примечаниях за авторством Михаила Гаспарова в конце данного издания.

СЕРДЦЕВИНА БЫТИЯ: ДЕТСТВО И СЕМЬЯ

Осип Эмильевич Мандельштам родился в Варшаве в ночь со второго на третье января по старому стилю (с 14-го на 15-е января по новому) в 1891 году. Его мать, Флора Овсеевна Вербловская, была музыкантшей из Вильно (Вильнюса), отец, Эмилий Вениаминович

Мандельштам, — мастером перчаточного дела из Жагоры, это на северо-западе современной Литвы.

В 1896 году Мандельштамы приехали в Ковно (современный Каунас, Литва), а в 1897 году шестилетний Осип вместе с семьей оказался в Санкт-Петербурге. Город надолго стал главным в жизни поэта. Архитектура, гранитные кварталы и «кудрявые сады», Сенатская площадь, Эрмитаж — столица Российской империи потрясла юношу.

Образование Осип Мандельштам получил в Тенишевском училище, и закончил его в 1907 году. Оно считалось прогрессивным и одним из лучших в свое время. Об училище у Осипа сохранились при этом не самые лестные воспоминания, возможно, там он чувствовал необходимость либо примкнуть к группе и следовать ее правилам, либо стать одиночкой. Например, поэтом. К времени ученичества относятся и упоминания как о большом потенциале ученика (хотя выпустился Мандельштам с горем пополам), так и о его своенравии.

«Мандельштам — умный и способный мальчик, но вместе с тем и очень самолюбивый», — так написал преподаватель Закона Божьего, священник Дмитрий Гидаспов о девятилетнем Осипе. Об уме и самолюбии почти болезненным потом говорили многие современники поэта.

В училище Мандельштам сблизился с Борисом Синани, а через него и его семью — с партией эсеров. Он даже «занимался пропагандой на массовках» и в 16 лет проводил, как сам потом признавался следователю НКВД, «рабочие летучки». Увлечение, впрочем, быстро прошло, о чем Мандельштам заверил родителей в письме, написанном по дороге во Францию в октябре 1907 года: по окончании училища Осип Мандельштам успел попутешествовать, и политику сменила поэзия, эсеров — Верлен.

Все заграничные поездки Мандельштама — так уж вышло — пришлось на пору до двадцатилетия. Вспомним строчки: «но люблю мою бедную землю/ Оттого, что иной не видал», написанные в 1908 году. Впрочем, именно в 1908—1910 гг. он учился в Сорбонне (Париж) и в Гейдельбергском университете (на территории современной Германии).

Постоянные переезды (в одном только Петербурге Мандельштамы сменили 17 квартир в довольно короткий срок), ненадежность мира и смешанное отношение к собственному еврейству сформировали у него обостренное ощущение хаоса, бесконечного шума пространства и времени. В своей книге «На берегах Невы» поэтесса Ирина Одоевцева привела его слова, сказанные во время встречи в 1920 году: «Я никогда и нигде не чувствовал себя дома, а тем более хозяином. Хорошо, если меня, как здесь, приютят. А то чаще гонят в три шеи. Я привык». А вот это он писал в «Шуме вре-

мени»: «... кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался — и бежал, всегда бежал».

Тут мы — вместе с Мандельштамом, которые приезжает обратно в Петербург, — вернемся к его семье и расскажем о ней подробнее.

Осип был старшим из трех сыновей. Мать запомнилась в литературном кругу тем, что якобы под руку привела его, уже подростка 18 лет, в редакцию журнала «Аполлон» к редактору Сергею Константиновичу Маковскому и потребовала вердикта: талантлив ее сын или нет, позволить ли ему идти своей дорогой искусства или все-таки заставить его торговать кожей. Впрочем, сложно судить о достоверности этого эпизода. Во-первых, у Маковского он описан с жесткой иронией, и в свое время эти воспоминания чудовищно возмутили и Осипа Мандельштама, и его жену Надежду Хазину. Во-вторых, молодой человек ко времени посещения «Аполлона» уже получил лестные отзывы от некоторых знаковых персон в поэтическом кругу, в том числе от Вячеслава Иванова, что не вяжется с версией, что это Маковский нашел и покровительственно дал дорогу юному дарованию. В-третьих, образ карикатурной матери-наседки, которой лишь бы пристроить сына в теплое место, непохож на прототип — пианистку, которую Осип Мандельштам не только любил как сын, но и ценил как одаренного человека. Возможно, именно от нее у Мандельштама и было то идеальное чувство ритма, которыми отличаются его мелодичные стихи. «В музыке Осип был дома, а это крайне редкое свойство», — констатировала поэтесса Анна Ахматова.

Что касается Эмиля Мандельштама, то младший брат Осипа Евгений вспоминал, что он «в жизни семьи активного участия не принимал. Он часто бывал угрюм, замыкался в себе, почти не занимался детьми». Но со временем уже повзрослевший Осип и его отец смогли найти не только взаимопонимание, но и настоящую близость, поддержку друг в друге и нежность. Так отец, узнав об аресте сына, заплакал: «Нежненький мой Ося». По воспоминаниям Евгения, с отцом их связывала длительная переписка: «Писать письма Осип не любил, но для двух людей он всегда делал исключение — для Надежды Яковлевны, без которой он просто не мог существовать, и для отца, остававшегося, где бы Ося ни находился, его постоянным адресатом».

В 1911 году Осип Мандельштам принял христианство и поступил на романо-германское отделение университета. К учебе он относился безалаберно, так и не закончил курс. В его жизнь плотно вошли поэзия, в том числе возвращение в литературных кругах и публикации в журналах.

«ПРАВА ОН БЫЛ НЕ ЛИЛЕЙНОГО»:
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
И СОВРЕМЕННОКИ

Мандельштама хорошо приняли акмеисты Николай Гумилев и Анна Ахматова, ему было близко упорядочивание хаоса ясными стихами. Дружба с поэтессой продлилась много лет, и последний раз они увиделись незадолго до второго ареста Осипа.

Но восторженнее всех его встретил символист Вячеслав Иванов. Познакомились они 23 апреля 1909 года, когда Мандельштам впервые пришел в квартиру Вячеслава Иванова (Таврическая улица, 25), чтобы послушать его лекции о поэтическом искусстве. Вот так Ирина Одоевцева пересказала похвалы Иванова со слова самого Мандельштама: «Прекрасно, прекрасно. Изумительная у вас оркестровка ямбов, читайте еще. Мне хочется послушать ваши анапесты и амфибрахии». В этой цитате чувствуется ирония, но тем не менее Мандельштам считал, что многим обязан Иванову, и, видимо, не зря. «Ваши семена глубоко запали в мою душу, и я пугаюсь, глядя на громадные ростки», — писал он в письме от 20 июня 1910 года, и видна и его признательность, и вера в самого себя.

В 1913 году вышла его дебютная книга стихов «Камень», позже она выдержала переиздания в 1916 и 1923 годах. Содержание менялось, а каждое новое издание получало больше откликов, как восторженных, так и некоторых негативных. Мандельштам стал узнаваемым поэтом.

Многие современники описывали Мандельштама как тонкого и ранимого человека, который мог очаровать не только своими стихами, но и смешными байками и умными суждениями. Анна Ахматова: «Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не слышала, чтобы он повторялся или пускал заигранные пластинки».

И хотя он явно носился со своим талантом как с драгоценностью, его уверенность в своей особой судьбе как поэта, его торжественность сочеталась в те годы с отсутствием высокомерия. Ирина Одоевцева вспоминала: «Будто между нами нет пропасти — он прославленный автор „Каменя“, всероссийски-знаменитый, а я еще продолжаю сидеть на школьной скамье и слушать лекции».

Летом 1915 года он познакомился с сестрами Анастасией и Мариной Цветаевыми, а в начале 1916 года их с Мариной стала связывать обоюдная привязанность. Впрочем, долго это не продлилось, а поэтесса и вовсе охарактеризовала его чувства к ней «не любовь, это — попытка любить, может быть и жажда». Главная встреча у Осипа была еще впереди.

«ДЕСЯТИ НЕБЕС НАМ СТОИЛА ЗЕМЛЯ»: ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Февральскую революцию 1917 года Осип Мандельштам встретил скорее воодушевленно, хотя позже и не упустил возможности называть государство уснувшим, «как окунь». В конце мая он по любимой своей традиции уехал в Крым, убежал «к nereидам на Черное море». Вернулся он не вовремя, как раз к Октябрьскому перевороту, который воспринял резко отрицательно, о чем потом говорил и на допросе в 1934 году. Но это позже, а в конце 1917 и начале 1918 года он собирал деньги на концертах в поддержку заключенных в Петропавловскую крепость членов Временного правительства.

Анна Ахматова заметила: «Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным по-этом. Душа его была полна всем, что совершилось. Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огромным событием, и слово “народ” не случайно фигурирует в его стихах».

Другое интересное свидетельство о Мандельштаме — уже периода середины 1919 года — принадлежит поэту Рюрику Ивневу: «Я никогда не встречал человека, который бы так, как Осип Мандельштам, одновременно и принимал бы революцию и отвергал ее».

«МЫ КАК СЛЕПЫЕ ЩЕНЯТА»: НАДЕЖДА И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Шумный, увлекающийся, из его рук легко утекало все, что не было стихами. В 19 лет он мог умудриться потерять багаж в дороге, и выйти с вокзала без вещей. Тогда он потерял тетрадку со стихами — но потеря была невелика: он помнил их наизусть. Кажется, и в жизни его — короткой и печальной — все уносило бесконечной метелью времени. Она была беспощадна ко всему, что было дорого Осипу Мандельштаму, и в итоге оставила его нагим, далеко от родных, одиноким.

Как хорошо, что в жизни его была Надежда Хазина. Встреча с ней — возможно, самая важная в жизни Мандельштама — случилась 1 мая 1919 года. Он приехал в Киев, появился в «Хламе» — клубе-кафе художников, литераторов, артистов, музыкантов в доме № 5 на улице Архитектора Городецкого. Надежда Мандельштам писала: «Мы легко и бездумно сошлись». И хотя до жизни вдвоем пройдут еще долгие несколько лет и «в тот период мы и не чувствовали себя связанными», но, по ее признанию, она осознала

их общие «два свойства, сохранившиеся на всю жизнь: легкость и сознание обреченности». Но они не сразу смогли съехаться. Мандельштаму еще предстояли скитания: как служащий Народно-го комиссариата просвещения, он часто отправлялся в командировки.

«Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто как Божий день. Ты мне сделалась до того родной, что все время я говорю с тобой, зову тебя, жалею тебя», — писал Мандельштам Надежде 5 декабря 1919 года.

Во время одной из поездок, 4 августа 1920 года, белые арестовали его в Феодосии и отправили в тюрьму. А чуть позже он попался уже в Батуме — белым, которые заподозрили его в симпатиях к красным.

«Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я — белый, красный или какого еще цвета. А я вовсе никакого цвета. Я — поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс», — так он писал в «Шуме времени».

Характерная цитата из воспоминаний Ильи Эренбурга: «На допросе Осип Эмильевич прервал следователя: „Скажите лучше, невинных вы выпускаете или нет?“».

В середине октября 1920 года Осипу Мандельштаму пришлось уехать из Москвы в Петроград. Виной был старый — еще до отъезда в Харьков и Киев — конфликт с революционером и функционером ЧК Яковым Блюмкиным. Вскоре он получил «кособоковую комнату о семи углах» в легендарном Доме искусств (Петроград, Мойка, 59). Этот период, продлившийся до марта 1921 года, запомнился тем, что Мандельштам увлекся Ольгой Арбениной и написал несколько стихотворений о любви, да еще очередным сближением с Николаем Гумилевым.

В марте 1921 года Осип Мандельштам приехал в Киев, и там ему удалось снова сойтись с Надеждой Хазиной. «С тех пор мы не расставались», — писала она. Целый год они разъезжали: Киев—Москва—Киев—Петроград—Ростов—Кисловодск—Баку—Тифлис—Батум—Новороссийск—Ростов—Харьков—Киев—Петроград—Москва. «Я была единственной собственностью у Мандельштама», — писала Надежда Хазина. Брак был зарегистрирован 9 марта 1922 года. А вот «бумажку о браке» молодожены «потеряли моментально».

В августе Гумилев был арестован и расстрелян по обвинению в участии в антисоветском заговоре «Петроградской боевой организации Таганцева». Так закончилась для Мандельштама история акмеизма, на попытки привлечь его в новую московскую группу он раздраженно ответил: «Никаких акмеистов — москвичей нету, были и вышли питерские акмеисты, прощайте».

Стихи периода Первой мировой войны и революции составили сборник «Tristia» («Книгу скорбей»). Его история оказалась сложной и неприятной. Изначально он вышел в берлинском издательстве «Petropolis» в 1922 году (на обложке был проставлен 1921 год). Этот сборник высоко оценили рецензенты, а вот Мандельштам был в бешенстве. Сохранился экземпляр «Tristia» с такой подписью автора: «Книжка составлена без меня против моей воли безграмотными людьми из кучи понадерганных листков». Авторский вариант вышел 25 ноября 1922 года, назывался «Вторая книга» и был посвящен Надежде Хазиной — «Н. Х.». Позже Мандельштам все-таки вернулся к варианту «Tristia».

* * *

К 1923 году над Мандельштамом стали сгущаться тучи. Его допускали только к прозаическим переводам, печатать стихи стало невозможно. Редактор журнала «Россия» Исайя Лежнев заказал Осипу книгу о детстве и юности. Мандельштам вернулся с циклом заметок, сейчас известных как «Шум времени». Книга вышла в 1925 году в марте.

Вместе с женой они кочевали с места на место (Крым — Киев — Москва — Ленинград), пытались заработать каторжным литературным трудом. Самуил Маршак заказал Мандельштаму детские стихи — детей Осип любил, — но о тех работах Надежда говорила потом, что Маршак испортил их своей редактурой.

Все осложнялось туберкулезом супруги. Ей выписали отдых в Ялте, и муж дрался за каждый перевод, за возможность заработать денег. Порой он переводил по полпечатного листа в день (больше 12 тысяч знаков).

Во второй половине 20-х годов Осип Мандельштам занимался также заметками о литературе и «Египетской маркой», направляя творческую энергию из поэзии, с которой у него не складывалось, в прозу. Повесть нарочита бесфабульная, а в главном герое — Парноке — нашли отражения страхи самого Мандельштама прожить свою жизнь «бесфабульно», пусто. Впрочем, бессюжетная, безрезультатная жизнь ему не грозила.

В августе 1927 года ему удалось добиться помощи от видного деятеля Николая Бухарина. Тот пришел к выводу, что Мандельштам поэт «не массовый»: «Но у него есть — и должно быть — свое значительное место в нашей литературе». Буквально через неделю Осип заключил с Ленинградским отделением Госиздата договор на издание своей итоговой книги «Стихотворения», а в «Academia» еще в феврале решили выпустить его сборник «О поэзии». Обе вещи пострадали от цензурных правок.

«ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ»

И без того несчастливое состояние Осипа Мандельштама усугубилось с новым литературным скандалом. Поэт подготовил к изданию «Легенду об Уленшпигеле», обработав и отредактировав два перевода, один из которых принадлежал Аркадию Георгиевичу Горнфельду, другой – Василию Никитовичу Карякину. Но на титульном листе ошибочно значилось, что Мандельштам – переводчик. Узнав об этом, Осип телеграфировал Горнфельду и сказал, что отвечает «за его гонорар всем своим литературным заработком».

Однако же это не спасло от нападок. Завязалась публичная перепалка в прессе между Мандельштамом и Горнфельдом, Осип горячился, отстаивал свою правоту, обрушил гнев на порочные практики перевода разом, надеясь приобрести союзников в тех, кто видел в нем своего обидчика. Все это вылилось в целую кампанию против Мандельштама. В 1929 году Борис Пастернак так писал Марине Цветаевой: «Объективно он не сделал ничего такого, что бы хоть отдаленно оправдывало удары, ему наносимые. А между тем он сам их растит и множит отсутствием всего того, что бы его спасло и к чему я в нем все время взываю. На его и его жены взгляд, я – обыватель, и мы почти что поссорились после одного разговора».

Вся эта история добивала Мандельштама, который считал, что поэты не должны быть торговцами, надеялся на взаимовыручку литераторов, а получил бесконечные упреки. За ним росли долги, он не мог найти работу, чтобы их оплатить, и впереди маячила перспектива выселения. Неизвестно, что случилось бы дальше, если бы Николай Бухарин не организовал для Мандельштамов поездку в Армению.

«МЕЛКАЯ ХВОЙНАЯ ДРОЖЬ»:
АРМЕНИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Начиная с марта 1930 года Мандельштамы жили в Закавказье: Сухуми, Тифлис, Ереван. В горах, подальше от литературных дрызг и Ленинграда, к Осипу снова пришло вдохновение: «Для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно – туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали...» Все последующие годы Осип Мандельштам, несмотря на подорванное здоровье и все утекающие силы, много работал и много писал, боясь не успеть.

Какая роскошь в нищенском селеньи
Волосная музыка воды!
Что это? Пряжа? Звук? Предупрежденье?
Чур-чур меня! Далёко ль до беды!

И хотя поездка в Армению благотворно повлияла на умонастроение Мандельштама, обстоятельства жизни в Ленинграде были готовы ввергнуть его в уже знакомую пучину отчаяния. Работы так и не было, а тем временем политическая обстановка становилась хуже. Мандельштамы обращались за помощью: талантливый поэт не был в состоянии банально прокормить себя. Но поддержки от государства они так и не дождались, поэтому пришлось снова переезжать в Москву.

Исследователь Олег Лекманов считает: «В течение всей своей жизни Мандельштам настойчиво искал близости с современностью и современниками, точнее будет сказать, — настойчиво искал понимания у современности и современников». В начале 30-х годов Осип Мандельштам метался, пытался понять, предсказать свое время, приходя к мысли о веке-волкодаве.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Здесь видно влияние Киплинга (герой отказывается от волчьей сущности ради звания человека) и Верлена, но современники восприняли это стихотворение однозначно: Мандельштам — затравленный зверь. Предубеждения, образ «чудаковатого», странного, горячечного поэта, непонятого окружающим, вновь стал важнее того, кем в реальности был Мандельштам.

Жизнь в постоянных бегах, по чужим квартирам, от одних добрых людей к другим, изматывала и без того несчастливого Мандельштама. Все больше росло его недовольство, желание порвать со всеми окружающими, идти своим путем в литературе вопреки всем и вся. В Крыму он видел голодающих крестьян. И написал под этим впечатлением стихотворение «Холодная весна», которое, что было предсказуемо, потом попало в дело поэта. В Ленинграде давила собственная нищета и неприятие его чтений, его стихотворений, всей его фигуры, частые антисемитские замечания, которыми его встречали или провожали всю его карьеру.

«А СТЕНЫ ПРОКЛЯТЫЕ ТОНКИ»:

АРЕСТ

В октябре 1933 года Мандельштамы наконец получили отдельное жилье: кооперативную двухкомнатную квартиру. Досталась она им с огромным трудом, в ней не было почти ничего: книжные полки Осип смастерил из досок и кирпичей. По одной из версий, и такие условия — лучше, чем у многих, — показались поэту как бы подку-

пом. Слова Бориса Пастернака он воспринял в штыки, хотя тот пытался подбодрить его. Так писала об этом Лидия Гинзбург: «Борис Пастернак, побывав у Мандельштамов в гостях, попробовал подбодрить поэта: „ну вот, теперь и квартира есть — можно писать стихи“». Якобы после этого Мандельштам, у которого и так была с Пастернаком непростая история отношений, сказал: «Я не могу иметь ничего общего с Борисом Леонидовичем — у него профбилет <билет профсоюза> в кармане».

Если и раньше поэзия Мандельштама не казалась подходящей времени, то к 1930-м годам относятся многие известные откровенно антисоветские стихи. В ноябре 1933 года Мандельштам написал два из них, которые оказались для него роковыми: «Квартира тика, как бумага» и «Мы живем, под собою не чуя страны».

В первом стихотворении очевидно отчаяние Мандельштама:

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Мандельштаму претила официальная культура и насаждаемые через статьи в официальной прессе темы: больше молодежи, больше переводов стихотворений народов СССР на русский язык и т. д. Современную ему литературу он называл чиновницей, а про зарубежные поездки говорил, что если бы удалось ему отправиться в такую, то он бы изо всех сил постарался бы там уцепиться. Обо всем этом были в курсе сотрудники госбезопасности.

Что касается эпиграммы на Иосифа Сталина, то ее самоубийственный характер был очевиден слушателям и, вероятно, самому Мандельштаму:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

Осип Мандельштам читал его и близким, и не совсем близким людям. Кому он читал стихи? Естественно, Надежде Мандельштам, ее брату Евгению Хазину, своему брату Александру Мандельштаму, Борису Кузину, Эмме Герштейн, Владимиру Нарбуту, Анне Ахматовой и ее сыну Льву Гумилеву, Борису Пастернаку, Виктору Шкловскому, Семену Липкину, Нине Грин, Георгию Шенгели, Сер-

гею Клычкову, Николаю Харджиеву, Александру Тышлеру, Александру Осмеркину. По данным «Литературного обозрения» (№ 3, 1990), Пастернак резко отозвался об эпиграмме: «То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому».

В середине мая 1934 года — по данным НКВД — в ночь с 16 на 17 мая, по версии Надежды Мандельштам — в ночь с 13 на 14 мая — Осип был арестован. Свидетелями обыска и увода поэта стали жена и Анна Ахматова, которая в это время гостила у супругов. Наутро обе женщины стали хлопотать: поэтесса сразу же отправилась к Борису Пастернаку, тот — к Николаю Бухарину и Демьяну Бедному. Вокруг ареста сразу же поднялся шум, который, по мнению Ахматовой, «ускорил и вероятно смягчил развязку».

Во время следствия, на допросах Осип Мандельштам сразу признал свое авторство, назвал некоторых слушателей стихотворения, но опустил имя Бориса Пастернака.

В конце мая был вынесен мягкий приговор, на который было невозможно даже надеяться. Его отправили на поселение в город Чердынь Свердловской области на три года. Надежде Мандельштам разрешалось поехать вместе с ним.

В Чердыне Мандельштаму было совсем плохо. Его преследовали галлюцинации, кошмары, он совершил попытку самоубийства. Не первую — до этого он пытался перерезать себе вены бритвой в тюрьме. Вскоре, 14 июня, стало известно из официальной телеграммы, что приговор пересмотрен. Мандельштама выслали на три года из Ленинграда и лишали права проживать в Москве, Ленинграде и еще десяти крупных городах СССР. Супруги выбрали Воронеж.

Существует несколько свидетельств, что в решении судьбы Мандельштама принимал участие адресат эпиграммы Иосиф Сталин. По крайней мере, Николай Бухарин составил записку к нему по делу поэта, в которой признавал его заслуги, сделал акцент на том, что Мандельштам боялся преследования из-за абсолютно бытового конфликта с Алексеем Толстым (они подрались), и рассказывал о плохом психологическом состоянии поэта: «Он — первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он — безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. <как> ко мне все время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он „наблюдил“, то я решил тебе написать и об этом. <...> P. S. О Мандельштаме пишу еще раз (на об<ороте>), потому что Борис Пастернак в полном упоминании от ареста М<андельштама> и никто

ничего не знает». Часто вспоминают и резолюцию Сталина: «Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразие...»

Часто вспоминают и разговор с Борисом Пастернаком: якобы Сталин звонил ему и спрашивал, почему тот не заступает за друга, а Пастернак настаивал: «Если бы я не хлопотал, вы бы ничего не узнали».

«ГУБ ШЕВЕЛЯЩИХСЯ ОТНЯТЬ ВЫ НЕ МОГЛИ»: ВОРОНЕЖ

«Никаких лишений нет и в помине. Впервые за много лет я не чувствую себя отщепенцем, живу социально, и мне по-настоящему хорошо. <...> Хочу массу вещей видеть и теоретически работать, учиться», — написал Осип Мандельштам в конце июля 1935 года своему отцу.

Действительно, в Воронеже Осип Мандельштам работал очень много. Его охватывали то отчаяние, то — ненадолго — принятие собственной судьбы.

Он читал советские газеты, просился посмотреть заводы и хотел работать с молодыми писателями. По крайней мере, так докладывали местные чиновники.

Впрочем, написанные Мандельштамом тогда бодрые стихотворения о летчиках и рецензии вышли ему боком. Сохранилось свидетельство от августа 1935 года, что он говорил следующее: «Я опять стою у этого распутия. Меня не принимает советская действительность. Еще хорошо, что не гонят сейчас. Но делать то, что мне тут дают, — не могу. Я не могу так: „посмотрел и увидел“. <...> Я гадок себе. Во мне поднимается все мерзкое из глубины души. Меня голодом заставили быть оппортунистом. Я написал горсточку настоящих стихов и из-за приспособленчества сорвал голос на последнем. Это начало большой пустоты».

Действительно, Мандельштам после этого не писал стихотворений полтора года, до осени 1936 года. В феврале 1936 года у Мандельштамов побывала Анна Ахматова, о чем написала стихотворение «Воронеж», в котором называет супругов «опальным поэтом и Музой» и не видит конца сгущающейся ночи.

Поэтесса была права: рассвета не было и близко, и темнота скоро накрыла судьбу ее друга окончательно.

Осенью 1936 года Мандельштама уволили. Больной, совсем седой мужчина в 47 лет был признан нетрудоспособным (врачи писали, что у него «сердце как у 75-летнего»), из-за этого статуса он не смог найти другого источника средств к существованию. Более того, его продолжали травить. Так, Ольга Кретьова вспоминала «позорное» собрание воронежских писателей, на котором обсуж-

далась борьба с классовыми врагами на литературном фронте: «Мы, “братья-писатели”, отлучали, отторгали Мандельштама от литературы, отмежевывались от него и иже с ним, подвергали остракизму. Одни делали это убежденно, со всею страстью своего темперамента, другие — через горечь и боль».

После окончания ссылки в мае 1937 года Мандельштамы переехали в Москву. В конце 1937 — начале 1938 года в опалу попал Николай Бухарин, который во многом помогал Мандельштаму до ссылки: с пенсией, с жильем, после ареста. 13 марта партийного деятеля признали виновным по делу «Антисоветского правотроцкистского блока». Через три дня наркому внутренних дел СССР Николаю Ежову пришло письмо от секретаря Союза писателей Владимира Ставского. В этом письме — еще его можно назвать доносом — литературный чиновник назвал стихи Мандельштама клеветническими, жаловался на то, что литераторы поддерживали поэта и считали его гениальным. «Вопрос — об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь», — писал он.

2 мая 1938 года Осипа Мандельштама арестовали на глазах у его жены. Его обвинили в антисоветской агитации и приговорили к пяти годам исправительно-трудового лагеря. 27 декабря он умер в пересыльном пункте Дальстроя во Владивостоке от паралича сердца и артериосклероза. Где находится его могила — неизвестно. Вероятное место захоронения — аллея в пригороде Моргородке.

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА»

Разговор о Мандельштаме и его судьбе — как личной, так и творческой — невозможен без разговора о его супруге Надежде. Даже более того: не получится говорить о ней — без восхищения и перед отвагой, любовью, самоотверженностью и силой этой женщины. «Больше всего на свете (Мандельштам. — Х. Т.) боялся собственной немоты. Когда она достигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия», — писала Анна Ахматова. Он боялся, что его дар пропадет, что он не сможет читать стихи, боялся, что не успеет записать все, что должно было остаться на бумаге.

После его смерти наступили годы забвения, но сейчас великолепные стихи Осипа Мандельштама издаются, проходятся в школе, изучаются филологами. И это — результат подвига его супруги Надежды. Несмотря на гонения на поэта, на ссылки и в итоге роковой, смертельный приговор поэту, она сберегла корпус не публи-

ковавшихся до его смерти стихотворений. Она переупрямила всех, но смогла добиться того, чтобы ее мужа помнили.

Павел Нерлер, председатель Мандельштамовского общества, считает так: «как вдова <..> она выполнила абсолютно все, что она хотела бы и что она осознала». Многие стихотворения она заучила наизусть, часть — сохранила в виде рукописей: «Из рукописей О. М. мы спасли небольшую кучку черновиков разных лет. С тех пор они никогда уже не находились дома. Я привозила их в Воронеж небольшими пачками, чтобы установить тексты и составить полные списки ненапечатанных стихов. Эту работу мы постепенно проделали с О. М., который внезапно переменил свое отношение к рукописям и к бумагам. Раньше он их знать не хотел и всегда сердился, что я их не уничтожаю, а бросаю в мамин желтый заграничный сундучок. Но после обыска он понял, что легче сохранить рукопись, чем человека, и перестал надеяться на свою память, которая, как известно, погибает вместе с человеком».

В 1950-х годах ей удалось сделать так, что его стихи появились в самиздате (неофициальном издании книг силами добровольцев, переписывавших или перепечатывавших запрещенную или недопущенную литературу). В 1960-х годах Мандельштам был опубликован в самиздате (издания, выполненные за рубежом и поступавшие в СССР нелегально). Архив поэта в 1974 году оказался в Париже, а двумя годами позднее — в Принстонском университете в США.

Надежда называла его «мой милый слепой поводырь». «Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и все безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье — и как мы всегда знали, что именно это счастье», — писала она ему в последнем письме от 22 октября 1938 года.

«Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю? Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу, я плачу».

*Халимат Текеева,
главный редактор
литературного журнала Эксмо.ру*

СТИХОТВОРЕНИЯ

КАМЕНЬ
(1908—1915)

* * *

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

1908

* * *

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

* * *

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

* * *

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И всё твое —
От неизбежного.

От неизбежного —
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

1908

* * *

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

* * *

Есть целомудренные чары —
Высокий лад, глубокий мир?
Далёко от эфирных лир
Мной установленные лары.

У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных закатов
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную тишь.

Какой игрушечный удел,
Какие робкие законы
Приказывает торс точеный
И холод этих хрупких тел!

Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой,
И, осторожною рукой,
Позволено их переставить.

1909

* * *

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло,

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть!

1909

* * *

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,

Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна...

1909

* * *

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

Декабрь 1909, Гейдельберг

* * *

Когда удар с ударами встречается,
И надо мною роковой
Неутомимый маятник качается
И хочет быть моей судьбой,

Торопится, и грубо остановится,
И упадет веретено, —
И невозможно встретиться, условиться,
И уклониться не дано.

Узоры острые переплетаются,
И всё быстрее и быстрее
Отравленные дротики взвиваются
В руках отважных дикарей...

1910, 1927

* * *

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы не тронута зимой;

И если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь — трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.

1910

SILENTIUM

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазуревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

1910, 1935

* * *

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

1910, 1922(?)

* * *

Как тень внезапных облаков,
Морская гостя налетела
И, проскользнув, прошелестела
Смущенных мимо берегов.

Огромный парус строго реет;
Смертельно-бледная волна
Отпрянула — и вновь она
Коснуться берега не смеет;

И лодка, волнами шурша,
Как листьями, — уже далёко...
И, принимая ветер рока,
Раскрыла парус свой душа.

1910, 1922

* * *

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретную жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,

Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

1910, 1922

* * *

В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет;
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай,
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

* * *

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.

А я вверяюсь их заботе.
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте,
Навстречу звездному лучу.

Горячей головы качанье
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.

1911

* * *

Скудный луч, холодной мерою,
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несу.

Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола,

И стоит осиротелая
И немая вышина —
Как пустая башня белая,
Где туман и тишина.

Утро, нежностью бездонное, —
Полу-явь и полу-сон,
Забывье неутоленное —
Дум туманный перезвон...

1911

* * *

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и не страшно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек:
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы,
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отцветом странным —
Мировая туманная боль —
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь!

1911, 28 августа 1935

* * *

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь —
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг —
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь, к нам...

1911

* * *

Смутно-дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе круг чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом
Умирающем моем
Наступающие сумерки
С догорающим лучом.

И над лесом вечереющим
Встала медная луна;
Отчего так мало музыки
И такая тишина?

1911

* * *

Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм — только случай,
Неожиданный Аквилон?

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою,
И совсем не вернется — или
Он вернется совсем другой...

О широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

1911

РАКОВИНА

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризиою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;

И хрупкой раковины стены,
Как нежилого сердца дом,
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

1911

* * *

На перламутровый челнок
Натягивая шелка нити,
О пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок!

Приливы и отливы рук —
Однообразные движенья,
Ты заклинаешь, без сомненья,
Какой-то солнечный испуг, —

Когда широкая ладонь,
Как раковина, пламенея,
То гаснет, к теням тяготея,
То в розовый уйдет огонь!

16 ноября 1911

* * *

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

24 ноября 1911, 1915(?)

* * *

Я вздрагиваю от холода —
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото —
Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!

Так вот она — настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!

Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда?

1912, 1937

* * *

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред —
Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань!

Будет и мой черед —
Чую размах крыла.
Так — но куда уйдет
Мысли живой стрела?

Или, свой путь и срок,
Я, исчерпав, вернусь:
Там — я любить не мог,
Здесь — я любить боюсь...

1912

* * *

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осознать.
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

Апрель 1912

* * *

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осозаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
«Который час?» — его спросили здесь,
А он ответил любопытным: «вечность».

1912

ПЕШЕХОД

М.Л. Лозинскому

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии таинственных высот;
Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полет!

И, кажется, старинный пешеход,
Над пропастью, на гнущихся мостках,
Я слушаю — как снежный ком растет
И вечность бьет на каменных часах.

Когда бы так! Но я не путник тот,
Мелькающий на выцветших листьях,
И подлинно во мне печаль поет;

Действительно, лавина есть в горах!
И вся моя душа — в колоколах,
Но музыка от бездны не спасет!

1912

КАЗИНО

Я не поклонник радости предвзятой,
Подчас природа — серое пятно;
Мне, в опьянении легком, суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно,
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой;

И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино, —
Люблю следить за чайкою крылатой!

Май 1912

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Георгию Иванову

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях — клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где одnodумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, —
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой —
Что возвращается домой...

1912, 1927(?)

Золотой

Целый день сырой осенний воздух
Я вдыхал в смятении и тоске;
Я хочу поужинать, и звезды
Золотые в темном кошельке!

И, дрожа от желтого тумана,
Я спустился в маленький подвал;
Я нигде такого ресторана
И такого сброда не видал!

Мелкие чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавком щупает червонцы
Человек, — и все они пьяны.

— Будьте так любезны, разменяйте, —
Убедительно его прошу, —
Только мне бумажек не давайте —
Трехрублевок я не выношу!

Что мне делать с пьяною оравой?
Как попал сюда я, боже мой?
Если я на то имею право —
Разменяйте мне мой золотой!

1912

ЛЮТЕРАНИН

Я на прогулке похороны встретил
Близ протестантской кирки, в воскресенье,
Рассеянный прохожий, я заметил
Тех прихожан суровое волнение.

Чужая речь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сияла,
Да мостовая праздничная глухо
Ленивые подковы отражала.

А в эластичном сумраке кареты,
Куда печаль забилась, лицемерка,
Без слов, без слез, скупая на приветы,
Осенних роз мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной,
И шли пешком заплаканные дамы,
Румянец под вуалью, и упорно
Над ними кучер правил вдаль, упрямый.

Кто б ни был ты, покойный лютеранин,
Тебя легко и просто хоронили.

Был взор слезой приличной затуманен,
И сдержанно колокола звонили.

И думал я: витийствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим, как свечи.

1912

Айя-София

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела — прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

1912

NOTRE DAME

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика, — и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

Но выдает себя снаружи тайный план:
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом — дуб, и всюду царь — отвес.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

1912

СТАРИК

Уже светло, поет сирена
В седьмом часу утра.
Старик, похожий на Верлена,
Теперь твоя пора!

В глазах лукавый или детский
Зеленый огонек;
На шею нацепил турецкий
Узорчатый платок.

Он богохульствует, бормочет
Несвязные слова;
Он исповедоваться хочет —
Но согрешить сперва.

Разочарованный рабочий
Иль огорченный мот —
А глаз, подбитый в недрах ночи,
Как радуга цветет.

А дома — руганью крылатой,
От ярости бледна, —
Встречает пьяного Сократа
Суровая жена!

1913, 1937

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Е С Т Р О Ф Ы

Н. Гумилеву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припекке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна — как броненосец в доке —
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка.

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

Январь 1913, 1927

* * *

...Дев полуночных отвага
И безумных звезд разбег,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег.

Кто, скажите, мне сознание
Виноградом замутит,

Если явь — Петра создание,
Медный всадник и гранит?

Слышу с крепости сигналы,
Замечаю, как тепло.
Выстрел пушечный в подвалы,
Вероятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы.

1913, 1915(?)

БАХ

Здесь прихожане — дети праха
И доски вместо образов,
Где мелом, Себастьяна Баха,
Лишь цифры значатся псалмов.

Разноголосица какая
В трактирах буйных и в церквах,
А ты ликуешь, как Исая,
О рассудительнейший Бах!

Высокий спорщик, неужели,
Играя внукам свой хорал,
Опору духа в самом деле
Ты в доказательстве искал?

Что звук? Шестнадцатые доли,
Органа многосложный крик —
Лишь воркотня твоя, не боле,
О несговорчивый старик!

И лютеранский проповедник
На черной кафедре своей
С твоими, гневный собеседник,
Мешает звук своих речей!

1913

* * *

В спокойных пригородах снег
Сгребают дворники лопатами;
Я с мужиками бородатыми
Иду, прохожий человек.

Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шалые,
И самоваров розы алые
Горят в трактирах и домах.

1913

* * *

Мы напряженного молчанья не выносим —
Несовершенство душ обидно, наконец!
И в замешательстве уж объявился чтец,
И радостно его приветствовали: «Просим!»

Я так и знал, кто здесь присутствовал незримо!
Кошмарный человек читает «Улялюю».
Значенье — суета, и слово — только шум,
Когда фонетика — служанка серафима.

О доме Эшеров Эдгара пела арфа.
Безумный воду пил, очнулся и умолк.
Я был на улице. Свистел осенний шелк...
И горло греет шелк щекочущего шарфа...

1912 (1913?), 2 января 1937

А Д М И Р А Л Т Е Й С Т В О

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листе прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.

Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;
И вот разорваны трех измерений узы,
И открываются всемирные моря!

Май 1913

* * *

Заснула чернь! Зияет площадь аркой.
Луной облита бронзовая дверь.
Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой,
И Александра здесь замучил Зверь.

Курантов бой и тени государей:
Россия, ты — на камне и крови —
Участвовать в твоей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови!

12 мая 1913

* * *

В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры:
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ.

На рынке возятся собаки,
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий,
А вечность — как морской песок:

Он осыпается с телеги —
Не хватит на мешки рогож —
И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь!

1913

К И Н Е М А Т О Г Р А Ф

Кинематограф. Три скамейки.
Сентиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.

Не удержать любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.

А он скитается в пустыне,
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы-графини.

И в иступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука. Бешеные звуки
Затравленного фортепьяно.

В груди доверчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.

И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несется.
Стрекочет лента, сердце бьется
Тревожнее и веселее.

В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему — отцовское наследство,
А ей — пожизненная крепость!

1913

ТЕННИС

Средь аляповатых дач,
Где шатается шарманка,
Сам собой летает мяч,
Как волшебная приманка.

Кто, смиривший грубый пыл,
Облеченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?

Слишком дряхлы струны лир:
Золотой ракеты струны
Укрепил и бросил в мир
Англичанин вечно юный!

Он творит игры обряд,
Так легко вооруженный,
Как аттический солдат,
В своего врага влюбленный!

Май. Грозóвых туч клочки.
Неживая зелень чахнет.
Всё моторы и гудки —
И сирень бензином пахнет.

Ключевую воду пьет
Из ковша спортсмен веселый;
И опять война идет,
И мелькает локоть голый!

1913

АМЕРИКАНКА

Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв «Титаника» совет,
Что спит на дне мрачнее крипта.

В Америке гудки поют,
И красных небоскребов трубы
Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.

И в Лувре океана дочь
Стоит, прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читает «Фауста» в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.

1913

Д О М Б И И С Ы Н

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын;
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья;
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле —
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь.

1913 (1914?)

* * *

Отравлен хлеб и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать!

Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня, — событий
Рассеивается туман;

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Всё исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!

1913

* * *

Летают валькирии, поют смычки.
Громоздкая опера к концу идет.
С тяжелыми шубами гайдуки
На мраморных лестницах ждут господ.

Уж занавес наглухо упасть готов;
Еще рукоплещет в райке глупец,
Извозчики пляшут вокруг костров.
Карету такого-то! Разъезд. Конец.

1914 (1913?)

* * *

На луне не растет
Ни одной былинки;
На луне весь народ
Делает корзинки —
Из соломы плетет
Легкие корзинки.

На луне — полутьма
И дома опрятней;
На луне не дома —
Просто голубятни,
Голубые дома —
Чудо-голубятни...

1914

АХМАТОВА

Вполоборота — о, печаль! —
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос — горький хмель —
Души расковывает недра:
Так — негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель.

9 января 1914

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Ни триумфа, ни войны!
О железные, доколе
Безопасный Капитолий
Мы хранить осуждены?

Или римские перуны —
Гнев народа — обманув,
Отдыхает острый клюв
Той ораторской трибуны;

Или возит кирпичи
Солнца дряхлая повозка
И в руках у недоноска
Рима ржавые ключи?

1914

* * *

О временах простых и грубых
Копыта конские твердят,

И дворники в тяжелых шубах
На деревянных лавках спят.

На стук в железные ворота
Привратник, царственно-ленив,
Встал, и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф,

Когда с дряхлеющей любовью,
Мешая в песнях Рим и снег,
Овидий пел арбу воловью
В походе варварских телег.

1914

* * *

На площадь выбежав, свободен
Стал колоннады полукруг —
И распластался храм Господень,
Как легкий крестовик-паук.

А зодчий не был итальянец,
Но русский в Риме; ну так что ж!
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портиков идешь;

И храма маленькое тело
Одушевленное стократ
Гиганта, что скалою целой
К земле беспомощно прижат!

1914

* * *

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты;
Волю на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.

<Лето> 1914

* * *

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит.
Прозрачный стакан с ледяною водою.
И в мир шоколада с румяной зарею,
В молочные Альпы мечтанье летит.

Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть —
И в тесной беседке, средь пыльных акаций,
Принять благосклонно от булочных граций
В затейливой чашечке хрупкую снедь...

Подруга шарманки, появится вдруг
Бродячего ледника пестрая крышка —
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.

И боги не ведают — что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой?
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед.

1914

* * *

Есть ценностей незыблемая скала
Над скучными ошибками веков.
Неправильно наложена опала
На автора возвышенных стихов.

И вслед за тем, как жалкий Сумароков
Пролепетал заученную роль,
Как царский посох в скинии пророков,
У нас цвела торжественная боль.

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явленье Озерова —
Последний луч трагической зари.

1914

* * *

Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши.

Природа — тот же Рим! И, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить —
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!

1914

* * *

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной:
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны;
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари!

1914

* * *

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

1914

ЕВРОПА

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк;

К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая.

Изрезаны ее живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливов очертанья:
Бискайи, Генуи ленивая дуга.

Завоевателей исконная земля,
Европа в рубище Священного союза;
Пята Испании, Италии медуза,
И Польша нежная, где нету короля;

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

Сентябрь 1914

ENCYCLICA¹

Есть обитаемая духом
Свобода — избранных удел.
Орлиным зреньем, дивным слухом
Священник римский уцелел.

И голубь не боится грома,
Которым церковь говорит;
В апостольском созвучьи: Roma!
Он только сердце веселит.

Я повторяю это имя
Под вечным куполом небес,
Хоть говоривший мне о Риме
В священном сумраке исчез!

Сентябрь 1914

Посох

Посох мой, моя свобода —
Сердцевина бытия,

¹ Папское послание (*лат.*).

Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?

Я земле не поклонился
Прежде, чем себя нашел;
Посох взял, развеселился
И в далекий Рим пошел.

А снега на черных пашнях
Не растают никогда,
И печаль моих домашних
Мне по-прежнему чужда.

Снег растает на утесах —
Солнцем истины палим...
Прав народ, вручивший посох
Мне, увидевшему Рим!

1914, 1927

ОДА БЕТХОВЕНУ

Бывает сердце так сурово,
Что и любя его не тронь!
И в темной комнате глухого
Бетховена горит огонь.
И я не мог твоей, мучитель,
Чрезмерной радости понять —
Уже бросает исполнитель
Испепеленную тетрадь.

.....
.....
.....

Кто этот дивный пешеход?
Он так стремительно ступает
С зеленой шляпою в руке,

.....
.....

С кем можно глубже и полнее
Всю чашу нежности испить;
Кто может, ярче пламеня,
Усиле воли освятить;
Кто по-крестьянски, сын фламандца,

Мир пригласил на ригурнель
И до тех пор не кончил танца,
Пока не вышел буйный хмель?

О Дионис, как муж, наивный
И благодарный, как дитя,
Ты перенес свой жребий дивный
То негодуя, то шутя!
С каким глухим негодованьем
Ты собирал с князей оброк
Или с рассеянным вниманьем
На фортепьянный шел урок!

Тебе монашеские кельи —
Всемирной радости приют,
Тебе в пророческом весельи
Огнепоклонники поют;
Огонь пылает в человеке,
Его унять никто не мог.
Тебя назвать не смели греки,
Но чтили, неизвестный бог!

О, величавой жертвы пламя!
Полнеба охватил костер —
И царской скинии над нами
Разодран шелковый шатер.
И в промежутке воспаленном,
Где мы не видим ничего, —
Ты указал в чертоге тронном
На белой славы торжество!

Декабрь 1914

* * *

Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою,
И ныне я не камень,
А дерево пою.

Оно легко и грубо;
Из одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

Вбивайте крепче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки.

1915

* * *

«Hier stehe ich —
ich kann nicht anders...»

«Здесь я стою — я не могу иначе»: —
Не просветлеет темная гора —
И кряжистого Лютера незрячий
Витают дух над куполом Петра.

1913 (1915?)

АББАТ

О, спутник вечного романа,
Аббат Флобера и Золя —
От зноя рыжая сутана
И шляпы круглые поля;
Он всё еще проходит мимо,
В тумане полдня, вдоль межи,
Влача остаток власти Рима
Среди колосьев спелой ржи.

Храня молчанье и приличие,
Он должен с нами пить и есть
И прятать в светское обличье
Сияющей тонзуры честь.
Он Цицерона на перине
Читает, отходя ко сну:
Так птицы на своей латыни
Молились Богу в старину.

Я поклонился, он ответил
Кивком учтивым головы
И, говоря со мной, заметил:
«Католиком умрете вы!»
Потом вздохнул: «Как нынче жарко!»
И, разговором утомлен,

Направился к каштанам парка,
В тот замок, где обедал он.

1915, (1914?)

* * *

От вторника и до субботы
Одна пустыня пролегла.
О, длительные перелеты!
Семь тысяч верст — одна стрела.

И ласточки, когда летели
В Египет водяным путем,
Четыре дня они висели,
Не зачерпнув воды крылом.

1915

* * *

И поныне на Афоне
Древо чудное растет,
На крутом зеленом склоне
Имя Божие поет.

В каждой радуются келье
Имябожцы-мужики:
Слово — чистое веселье,
Исцеленье от тоски!

Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены,
Но от ереси прекрасной
Мы спастись не должны.

Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.
Безымянную мы губим
Вместе с именем любовь.

1915

* * *

О свободе небывалой
Сладко думать у свечи.
— Ты побудь со мной сначала, —
Верность плакала в ночи, —

Только я мою корону
Возлагаю на тебя,
Чтоб свободе, как закону,
Подчинился ты, любя...

— Я свободе, как закону,
Обручен, и потому
Эту легкую корону
Никогда я не сниму.

Нам ли, брошенным в пространстве,
Обреченным умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть!

1915

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ

Императорский виссон
И моторов колесницы —
В черном омуте столицы
Столпник-ангел вознесен.

В темной арке, как пловцы,
Исчезают пешеходы,
И на площади, как воды,
Глухо плещутся торцы.

Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут злится,
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла.

Июнь 1915

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —

Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот, Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

* * *

С веселым ржанием пасутся табуны,
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уносит времени прозрачная стремнина.

Топча по осени дубовые листья,
Что густо стелются пустынной тропинкой,
Я вспомню Цезаря прекрасные черты —
Сей профиль женственный с коварною
горбинкой!

Здесь, Капитолия и Форума вдали,
Средь увядания спокойного природы,
Я слышу Августа и на краю земли
Державным яблоком катящиеся годы.

Да будет в старости печаль моя светла:
Я в Риме родился, и он ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была,
И — месяц Цезаря — мне август улыбнулся.

Август 1915

* * *

Я не увижу знаменитой «Федры»
В старинном многоярусном театре,
С прокопченной высокой галереи,
При свете оплывающих свечей.
И, равнодушен к суете актеров,
Сбирающих рукоплесканий жатву,
Я не услышу обращенный к рампе,
Двойною рифмой оперенный стих:

— Как эти покрывала мне постылы...

Театр Расина! Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира;
Глубокими морщинами волнуя,
Меж ним и нами занавес лежит:
Спадают с плеч классические шали,
Расплавленный страданием крепнет голос,
И достигает скорбного закала
Негодованием раскаленный слог...

Я опоздал на празднество Расина...

Вновь шелестят истлевшие афиши,
И слабо пахнет апельсиновой коркой,
И словно из столетней летаргии
Очнувшийся сосед мне говорит:
– Измученный безумством Мельпомены,
Я в этой жизни жажду только мира;
Уйдем, покуда зрители-шакалы
На растерзанье Музы не пришли!

Когда бы грек увидел наши игры...

TRISTIA
(1916—1920)

* * *

— Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела средь моего позора!

— Будет в каменной Трезене
Знаменитая беда,
Царской лестницы ступени
Покраснеют от стыда

.....
.....
И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.

О, если б ненависть в груди моей кипела —
Но, видите, само признание с уст слетело.

— Черным пламенем Федра горит
Среди белого дня.
Погребальный факел чадит
Среди белого дня.
Бойся матери ты, Ипполит;
Федра-ночь тебя сторожит
Среди белого дня.

— Любовью черною я солнце запятнала!
Смерть охладит мой пыл из чистого фиала.

— Мы боимся, мы не смеем
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеем,
На него напала ночь.
Мы же, песнью похоронной

Провожая мертвых в дом,
Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдем.

1915, 1916

ЗВЕРИНЕЦ

Отверженное слово «мир»
В начале оскорбленной эры;
Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран — эфир;
Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом, опять,
Поют косматые свирели.

Пока ягнята и волы
На тучных пастбищах водились
И дружелюбные садились
На плечи сонных скал орлы, —
Германец выкормил орла,
И лев британцу покорился,
И галльский гребень появился
Из петушиного хохла.

А ныне завладел дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля иссякла,
Неблагодарная, как встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду из нее,
Пускай уходит в ночь глухую
Мной всполошенное зверье!

Петух и лев, широкохмурый
Орел и ласковый медведь —
Мы для войны построим клеть,
Звериные пригреем шкуры.
А я пою вино времен —
Источник речи италийской,
И, в колыбели праарийской,
Славянский и германский лён!

Италия, тебе не лень
Тревожить Рима колесницы,
С кудахтаньем домашней птицы
Перелетев через плетень?
И ты, соседка, не взыщи, —
Орел топорщится и злится:
Что, если для твоей пращи
Холодный камень не годится?

В зверинце заперев зверей,
Мы успокоимся надолго,
И станет полноводней Волга,
И рейнская струя светлей —
И умудренный человек
Почтит невольно чужестранца,
Как полубога, буйством танца
На берегах великих рек.

Январь 1916, 1935

* * *

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянской и русской душой
Напоминают мне — явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

Февраль 1916

* * *

На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи —
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече —
И никогда он Рима не любил.

Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.

Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича везут, немеет страшно тело —
И рыжую солому подожгли.

Март 1916

* * *

О, этот воздух, смутой пьяный
На черной площади Кремля!
Качают шаткий «мир» смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.

Соборов восковые лики,
Колоколов дремучий лес,
Как бы разбойник безъязыкий
В стропилах каменных исчез.

А в запечатанных соборах,
Где и прохладно, и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.

Успенский, дивно округленный,
Весь удивленья райских дуг,

И Благовещенский — зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг,
Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, —
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...

Апрель 1916

<ПЕТРОПОЛЬ>

1.

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотые,
Но никакие звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд.

2.

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.

Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем, —
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

Май 1916

* * *

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы,
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы

.....
.....
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг,
Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться — значит, быть беде.

Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой,
Я знаю: он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.

Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Июнь 1916

* * *

Эта ночь непоправима,
А у вас еще светло!
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее —
Баю-баюшки-баю —
В светлом храме иудей
Хоронили мать мою.

Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.

И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели,
Черным солнцем осиян.

1916

* * *

Собирались эллины войною
На прелестный остров Саламин —
Он, отторгнут вражеской рукою,
Виден был из гавани Афин.

А теперь друзья-островитяне
Снаряжают наши корабли —
Не любили раньше англичане
Европейской сладостной земли.

О Европа, новая Эллада,
Охраняй Акрополь и Пирей!
Нам подарков с острова не надо —
Целый лес незваных кораблей.

Декабрь 1916

СОЛОМИНКА

I

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью — что может быть
печальней —
На веки чуткие спустился потолок,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их — такая тишина, —

Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невой,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.

Декабрь торжественный струит свое дыханье,
Как будто в комнате тяжелая Нева.
Нет, не соломинка — Лигейя, умиранье, —
Я научился вам, блаженные слова.

II

Я научился вам, блаженные слова:
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита.
В огромной комнате тяжелая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.

Декабрь торжественный сияет над Невой.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Нет, не соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный томительный покой.

В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь.
А та — соломинка, быть может — Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

Декабрь 1916

ДЕКАБРИСТ

— Тому свидетельство языческий сенат —
Сии дела не умирают! —
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют.

Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири,
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы.
Европа плакала в тенётах.
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Бывало, голубой в стаканах пунш горит.
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.

— Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.

Всё перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Всё перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

Июнь 1916

* * *

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни:
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке,
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну а в комнате белой, — как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.

Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена —
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный.

11 августа 1917, Алушта

* * *

Еще далёко асфodelей
Прозрачно-серая весна,
Пока еще на самом деле
Шуршит песок, кипит волна.
Но здесь душа моя вступает,
Как Персефона, в легкий круг;
И в царстве мертвых не бывает
Прелестных, загорелых рук.

Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой водой?
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон!

Как быстро тучи пробегают
Неосвященную грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветряной луной.
И, птица смерти и рыдания,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисную кормой.

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет —
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет;

Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон!

16 августа 1917, Алушта

* * *

А.В. Карташеву

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.

Он говорил: «Небес тревожна желтизна.
Уж над Евфратом ночь, бегите, иереи!»
А старцы думали: не наша в том вина;
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи.

Он с нами был, когда, на берегу ручья,
Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
И семисвещником тяжелым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия.

1917

* * *

Твое чудесное произношенье —
Горячий посвист хищных птиц;
Скажу ль: живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.

«Что» — голова отяжелела.
«Цо» — это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.

Пусть говорят: любовь крылата,
Смерть окрыленнее стократ;
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят.

И столько воздуха и шелка
И ветра в шепоте твоём,

И, как слепые, ночью долгой
Мы смесь бессолнечную пьем.

Начало 1918

* * *

Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит,
И шуршит сухая печка —
Это красный шелк горит.

Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно —
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.

Что на крыше дождь бормочет —
Это черный шелк горит.
Но черемуха услышит
И на дне морском: прости.

Потому что смерть невинна,
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной
Сердце теплое еще.

Начало 1918

* * *

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.

В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.

Но северные скалды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любви
Янтарь, пожары и пиры.

Им только снится воздух юга —
Чужого неба волшебство,
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

КАССАНДРЕ

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре — торжественное бденье —
Воспоминанье мучит нас!

И в декабре семнадцатого года
Всё потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Но если эта жизнь — необходимость бреда
И корабельный лес — высокие дома, —
Лети, безрукая победа,
Гиперборейская чума!

На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями —
Свобода, равенство, закон!

Когда-нибудь в столице шалой,
На скифском празднике, на берегу Невы,
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

1917

* * *

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа,
Нам пели Шуберта — родная колыбель!
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель.

Старинной песни мир — коричневый, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиных лип рокочущие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.

И сила страшная ночного возвращения
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник — пустое привиденье —
Бессмысленно глядит в холодное окно!

Январь 1918

* * *

На страшной высоте блуждающий огонь,
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат, Петрополь, умирает.

На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда мерцает.
О, если ты звезда, — воде и небу брат,
Твой брат, Петрополь, умирает.

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляет —
Зеленая звезда, в прекрасной нищете
Твой брат, Петрополь, умирает.

Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась. Воск бессмертья тает.
О, если ты звезда, — Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает.

Март 1918

* * *

Когда в теплой ночи замирает
Лихорадочный форум Москвы
И театров широкие зевы
Возвращают толпу площадям —

Протекает по улицам пышным
Оживленье ночных похорон:
Льются мрачно-веселые толпы
Из каких-то божественных недр.

Это солнце ночное хоронит
Возбужденная играми чернь,
Возвращаясь с полночного пира
Под глухие удары копыт.

И как новый встает Геркуланум,
Спящий город в сияньи луны:
И убогого рынка лачуги,
И могучий дорический ствол.

Май 1918

* * *

Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенёт.
Восходишь ты в глухие годы —
О солнце, судия, народ!

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть — тот должен слышать,
Как твой корабль ко дну идет. время,

Мы в легионы боевые
Связали ласточек — и вот
Не видно солнца; вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети — сумерки густые —
Не видно солнца и земля плывет.

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.
Как плугом океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Май 1918, Москва

TRISTIA

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских.

И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели вдаль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

Кто может знать при слове — расставанье,
Какая нам разлука предстоит?
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит?
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сених лениво вол жует,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьет?

И я люблю обыкновенье пряжи:
Снует челнок, веретено жужжит.
Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит!
О, нашей жизни скудная основа!
Куда как беден радости язык!
Всё было встарь. Всё повторится снова.
И сладок нам лишь узнаванья миг.

Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск — что для мужчины медь,
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

1918

* * *

На каменных отрогах Пиэрии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким
От вышукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.

Бежит весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапожок,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется, перстенок.
Высокий дом построил плотник дюжий.
На свадьбу всех передушили кур,
И растянул сапожник неуклюжий
На башмаки все пять воловьих шкур.

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва, беспалая, ползет.
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет —
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.

Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

1919

* * *

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.

С висячей лестницы пророков и царей
Спускается орган, святого духа крепость,
Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

Вот неподвижная земля, и вместе с ней
Я христианства пью холодный горный воздух,

Крутое «Верую» и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укреплённом,
И с христианских гор в пространстве изумлённом,
Как Палестрины песнь, нисходит благодать.

1919

* * *

Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши
Медуницы и осы тяжёлую розу сосут;   приметы.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

Ах, тяжёлые соты и нежные сети!
Легче камень поднять, чем имя твоё повторить.
У меня остаётся одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землю была.
В медленном водовороте тяжёлые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела.

Март 1920

* * *

Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла,
За то, что солнцу Илиона
Ты жёлтый сумрак предпочла.

Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.

Но роковая перемена
В тебе исполниться должна:
Ты будешь Лия — не Елена,
Не потому наречена,

Что царской крови тяжелее
Струиться в жилах, чем другой, —
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем — и бог с тобой.

1920

* * *

Венецейской жизни, мрачной и бесплодной,
Для меня значение светло:
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.

Тонкий воздух кожи. Синие прожилки.
Белый снег. Зеленая парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, теплых вынимают из плаща.

И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег.
На театре и на праздном вече
Умирает человек.

Ибо нет спасенья от любви и страха:
Тяжелее платины Сатурново кольцо!
Черным бархатом завешенная плаха
И прекрасное лицо.

Тяжелы твои, Венеция, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой граненый. В спальне тают горы
Голубого дряхлого стекла.

Только в пальцах роза или склянка —
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?

Черный Веспер в зеркале мерцает.
Всё проходит. Истина темна.
Человек рождается. Жемчуг умирает.
И Сусанна старцев ждать должна.

1920

ФЕОДОСИЯ

Окружена высокими холмами,
Овечьим стадом ты с горы сбегашь
И розовыми, белыми камнями
В сухом прозрачном воздухе сверкаешь.
Качаются разбойничьи фелюги,
Горят в порту турецких флагов маки,
Тростинки мачт, хрусталь волны упругий
И на канатах лодочки-гамáки.

На все лады, оплаканное всеми,
С утра до ночи «яблочко» поется.
Уносит ветер золотое семя —
Оно пропало, больше не вернется.
А в переулочках, чуть свечерело,
Пиликают, согнувшись, музыканты,
По двое и по трое, неумело,
Невероятные свои варьянты.

О, горбоносых странников фигурки!
О, средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи, у маленьких гостиниц.
Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несется,
И хладнокровен средь базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.

Идем туда, где разные науки
И ремесло — шашлык и чебуреки,
Где вывеска, изображая брюки,
Дает понятие нам о человеке.
Мужской сюртук — без головы стремление,
Цирюльника летающая скрипка
И месмерический утюг — явленье
Небесных прачек — тяжести улыбка.

Здесь девушки стареющие в челках
Обдумывают странные наряды,
И адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехерезады.

Прозрачна даль. Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

1919

* * *

Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной, —
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.

Кто держит зеркальце, кто баночку духов,
Душа ведь — женщина, ей нравятся безделки! —
И лес безлиственный прозрачных голосов
Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий.

И в нежной сутолке, не зная, что начать,
Душа не узнает прозрачные дубравы,
Дохнет на зеркало и медлит передать
Лепешку медную с туманной переправы.

Ноябрь 1920, 22 марта 1937

Л А С Т О Ч К А

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспомыслии ночная песнь поется.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет.
Прозрачны гривы табуна ночного.
В сухой реке пустой челнок плывет.
Среди кузнечиков беспомысливает слово.

И медленно растет, как бы шатер иль храм:
То вдруг прокинется безумной Антигоной,

То мертвой ласточкой бросается к ногам,
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнавания:
Я так боюсь рыдания аонид,
Тумана, звона и зиянья!

А смертным власть дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольется!
Но я забыл, что я хочу сказать, —
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Всё не о том прозрачная твердит,
Всё — ласточка, подружка, Антигона...
А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.

Ноябрь 1920

* * *

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем.
В черном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Всё поют блаженных жен родные очи,
Всё цветут бессмертные цветы.

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.

Слышу легкий театральный шорох
И девическое «ах» —
И бессмертных роз огромный ворох
У Киприды на руках.

У костра мы греемся от скуки,
Может быть, века пройдут,
И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.

Где-то рядки красные партера,
Пышно взбиты шифоньерки лож,
Заводная кукла офицера
Не для черных душ и низменных святош...
Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи,
В черном бархате всемирной пустоты
Всё поют блаженных жен крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.

25 ноября 1920

* * *

Чуть мерцает призрачная сцена,
Хоры слабые теней,
Захлестнула шелком Мельпомена
Окна храмины своей.
Черным табором стоят кареты,
На дворе мороз трещит,
Всё космато: люди и предметы,
И горячий снег хрустит.

Понемногу челядь разбирает
Шуб медвежьих вороха.
В суматохе бабочка летает.
Розу кутают в меха.
Модной пестряди кружки и мошки.
Театральный легкий жар,
А на улице мигают плоски
И тяжелый валит пар.

Кучера измаялись от крика,
И храпит и дышит тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у нас студеная зима.
Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

Пахнет дымом бедная овчина.
От сугроба улица черна.
Из блаженного, певучего притина
К нам летит бессмертная весна;
Чтобы вечно ария звучала:
«Ты вернешься на зеленые луга», —
И живая ласточка упала
На горячие снега.

Ноябрь 1920

* * *

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы выются в синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове —
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсиновой корки.

Ты всё толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог —
И все-таки еще немножко.

И право, не твоя вина —
Зачем оценки и изнанки, —
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе всё дразнит, всё поет,
Как итальянская рулада,

И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе всё прихоть, всё минута.
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

Декабрь 1920

* * *

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Над Курюю есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов!

Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить, —
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое:
Одному не надо пить!

В самом маленьком духане
Ты обманщика найдешь,
Если спросишь «Телиани» —
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в бутылке поплывешь.

Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...

1920, 1927, 7 ноября 1935

* * *

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки.
Не услышать в меха обутой тени.
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята...

Возьми ж на радость дикий мой подарок —
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце!

Ноябрь 1920

* * *

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать —
Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко.
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится.

Ноябрь 1920

* * *

Когда городская выходит на стогны луна,
И медленно ей озаряется город дремучий,
И ночь нарастает, унынья и меди полна,
И грубому времени воск уступает певучий,

И плачет кукушка на каменной башне своей,
И бледная жница, сходящая в мир бездыханный,
Тихонько шевелит огромные спицы теней
И желтой соломой бросает на пол деревянный...

1920

* * *

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь,
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:

Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневый нежный рот.

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя,
И всё, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

1920

* * *

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмешался...
Но всё растаяло — и только слабый звук
В туманной памяти остался.

Сначала думал я, что имя — серафим,
И тела легкого дичился,
Немного дней прошло, и я смешался с ним
И в милой тени растворился.

И снова яблоня теряет дикий плод,
И тайный образ мне мелькает,
И богохульствует, и сам себя клянет,
И угли ревности глотает.

А счастье катится, как обруч золотой,
Чужую волю исполняя,
И ты гоняешься за легкой весной,
Ладонью воздух рассекая.

И так устроено, что не выходим мы
Из заколдованного круга;
Земли девической упругие холмы
Лежат спеленатые туго.

1920

* * *

Люблю под сводами седья тишины
Молебнов, панихид блужданье
И трогательный чин — ему же все должны —
У Исаака отпеванье.

Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы
И в ветхом неводе генисаретский мрак
Великопостныя седмицы.

Ветхозаветный дым на теплых алтарях
И иерея возглас сирый,
Смирненник царственный — снег чистый
И одичалые порфиры. на плечах

Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета.

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим.

Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.

Весна 1921, весна 1922

1921—1925

КОНЦЕРТ НА ВОКЗАЛЕ

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами, —
Дрожит вокзал от пенья Аонид,
И снова, паровозными свистками
Разорванный, скрипичный воздух слит.

Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заморожен.
На звучный пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон.
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это сон.

И я вхожу в стеклянный лес вокзала,
Скрипичный строй в смятеньи и слезах.
Ночного хора дикое начало
И запах роз в гниющих парниках,
Где под стеклянным небом ночевала
Родная тень в кочующих толпах...

И мнится мне: весь в музыке и пене
Железный мир так нищенски дрожит.
В стеклянные я упираюсь сени.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит!

1921